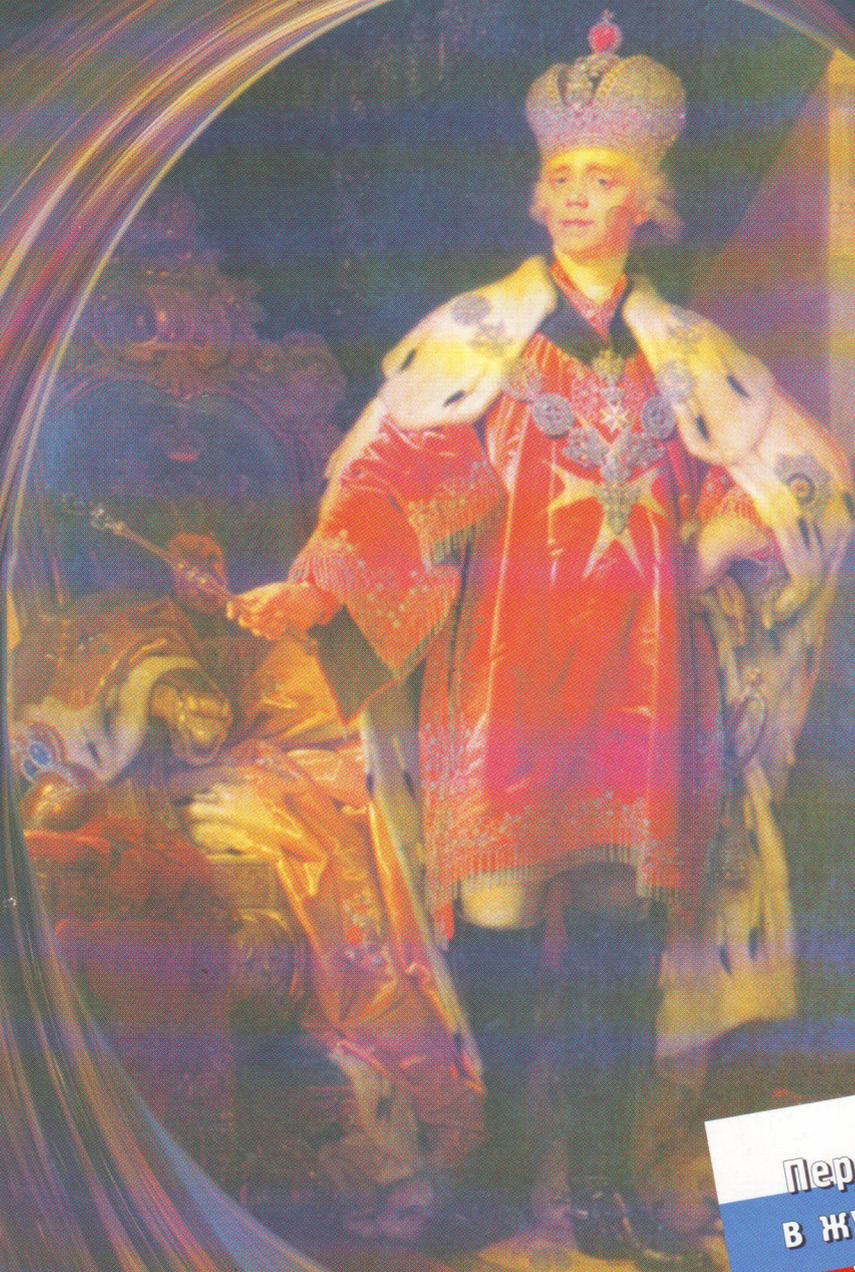

Приложение к журналу «Родина»

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

2002`6

Перечень публикаций
в журнале «Источники»
за 1993–2002 гг.

Г. А. Колпаковский.

«Сведения наши о Кашгарии, ее положении, производительности и торговле весьма бедны»

Письмо генерала Г. А. Колпаковского

В публикуемом письме Г. А. Колпаковского¹ к барону Ф. Р. Остен-Сакену² сообщается о попытках русских купцов установить регулярные торговые отношения с Восточным Туркестаном (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896) — генерал от инфантерии, военный губернатор Семипалатинской области в 1865–1867 гг., Семиреченской области в 1867–1882 гг., генерал-губернатор Степного края в 1882–1888 гг.
- 2 Остен-Сакен Федор Романович (1832–1916) — барон, дипломат, секретарь Императорского Рус-

ского Географического общества в 1865–1871 гг., вице-директор Азиатского департамента МИД в 1871–1875 гг., директор Департамента внутренних сношений МИД в 1875–1897 гг., член Совета министра иностранных дел в 1897–1908 гг., почетный член Петербургской академии наук (с 1889 г.).

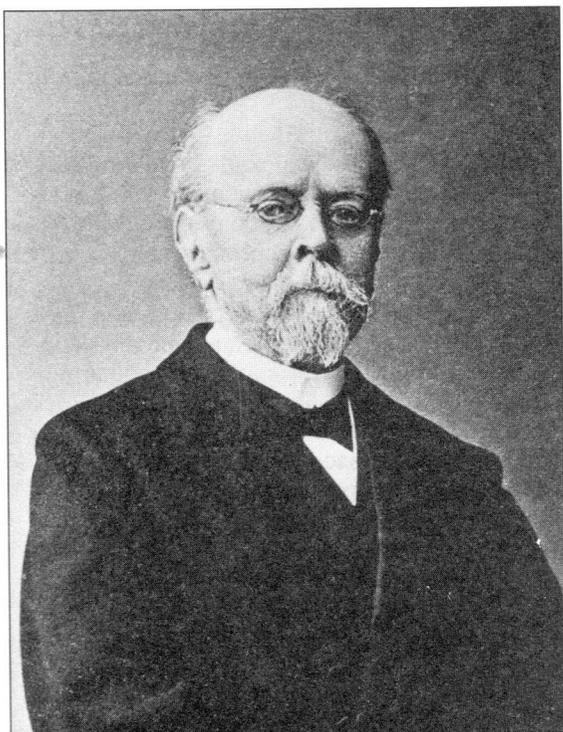
Г. А. Колпаковский — барону Ф. Р. Остен-Сакену. г. Верный. 1 июля 1870 г.

Милостивый государь Федор Романович.

Только на днях дошло до меня письмо Ваше от 8 мая за № 611. С удовольствием спешу поделиться теми сведениями, какие имеются о попытках нашей чайной торговли в Кашгаре.

Купец Кузнецов, ведущий в здешнем крае обширные торговые дела, сам не занимается чайной торговлей, но был в прошлом году комиссионером известного кяхтинского купца Немчинова. Зная что в Кашгаре в прежнее время имел большой ход чай атбаш (род кирпичного в виде поленьев или столбиков, весом каждый в 2 пуда 10 фунтов, ценою здесь от 55 до 60 руб[лей]) и что со времени дунганской инсurreкции¹ ввоз этого сорта прекратился, Кузнецов в июне месяце 1869 года отправил в Кашгар 64 столба атбаша.

Караван Кузнецова направился сначала из нашего укрепления на Нарыне путем, ведущим мимо построенного кашгарцами в прошлом году укрепленьца на ур[очище] Той-Тюбе, но здесь их караул не пропустил. Караван вернулся назад и пошел другой дорогой через перевал Теректы. Здесь тоже находится кашгарское укрепление (курган) с гарнизоном из 150 человек. Караван продержали тут 15 дней и наконец отправили под караулом 4 сипаев в Кашгар. Здесь караван помещен был в одном из торговых подворий — Яркенд-сарая — по прежнему под караулом, который не оставлял его все время двухме-

Барон Ф. Р. Остен-Сакен.

Якуб-бек.

сячного пребывания в Кашгаре, не выпуская никуда трех татар и трех киргиз, бывших с караваном, и не допуская к ним никого кроме людей Якуб-бека². Последний взял себе весь чай каравана по назначенной им цене — по 28 тиллей, около 3 рублей 90 коп[еек] за столбик атбаша, стало быть по 110 р[уб]л[ей]. Взамен чаю торговцы должны были взять также по назначенной цене от Якуб-бека 29 пудов шелку-сырца по 26–29 тиллей за пуд, 300 бумажных халатов (каждый по 1 тиллю), 2 т[ысячи] чекменей (около $\frac{1}{4}$ тилля каждый), 200 штук шелковой материи, стоящей менее 1 тилля за штуку, 200 пуховых кушаков и пр.

Судя по выгодной покупке шелка владелец каравана получил порядочные барыши, хотя прочие, вымененные у Якуб-бека товары, продают здесь не более как на 30% дороже покупной цены. Сдачу товаров Якуб-беку и прием товаров от него со всеми расчетами караван покончил в течение месяца, но неизвестно почему он задержан был еще на один месяц без всякой надобности. В обратный путь до последнего кашгарского укрепления караван был препровожаем по прежнему под караулом. От дурного корма и жаров у каравана пропало 10 верблюдов и воротился он в начале декабря месяца в г. Верный уже только с 11^{ью}. Таким же образом как с русскими торговцами обращаются в Кашгаре и с кокандскими и кульджинскими купцами; в последнее время и их держат под караулом и отбирают по произвольной цене товары. Особенно притесняются кокандцы, которых Якуб-бек без церемонии иногда забирает к себе в солдаты, присваивая себе товары.

Стеснения, которым подвергаются наши торговцы в Кашгаре, не останавливают однако же новых попыток некоторых из наших предприимчивых торговцев продолжать сбыт чая в Кашгаре. В начале минувшего месяца из Верного ушел новый караван с атбашем, отправленный доверенным Немчинова г. Чулошниковым. Всего отправил он на этот раз 400 столбов атбаша (по 60 р. за столб) и 12 мест фу (это тоже особый род кирпичного чая в виде плиток, каждая весом в 4 фунта и стоимостью в 4 рубля; в одном месте таких плиток 21). Стоимость всего товара составляет около 26 000 рублей. Чтобы расположить в свою пользу Якуб-бека, от каприза которого будет зависеть судьба этого каравана, властителю Кашгара посылается подарков на 800 рублей. Караван поручен тому же приказчику из татар, который ходил в прошлом году. С ним три работника из татар и киргиз. В караване нет ни одного русского.

Затем насколько чайная торговля наша может рассчитывать на дальнейшее развитие в Кашгаре — предсказать насколько-нибудь основательно нет средств, потому что сведения наши о Кашгарии, ее положении, производительности и торговле весьма бедны. Мы не можем и получить подробных и точных сведений, потому что русские содержатся в Кашгаре под стражею и не могут ничего видеть и узнать, а кашгарцы и другие мусульмане, приезжающие к нам из Алтышара для торговли, не смеют разинуть рта о кашгарских делах, опасаясь жестокого наказания от своего властелина по возвращении в Кашгар.

Должно полагать, что зеленый чай мог бы иметь значительный сбыт в Алтышаре, где его преимущественно любит, как и вообще в Средней Азии, состоятельный класс населения, особенно теперь, когда Кашгар в войне с дунганами и не может получить чаю из Урумчи, который снабжал его доселе из захваченных у китайцев запасов.

Соперниками нашими могут быть теперь только англичане чрез Ост-Индию, но и они не лучше нашего знают потребности и условия кашгарской торговли, ибо и английские путешественники содержатся в кашгарских пределах под стражею наравне со всеми иностранцами.

Торговцы здешние с удовольствием приняли пронесшийся недавно слух о смерти Якуб-бека, надеясь на перемены в политическом положении Кашгара, а с ним и в торговле, но слух этот не подтверждается и вероятно ложен.

Чай в Кульджу из наших пределов донныне не шел. Напротив, до последнего времени чрез Кульджу получалось порядочное количество фамильного и зеленого чая из Урумчи, но в нынешнем году и в прошлом привоз чаю из Кульджи значительно уменьшился, вероятно вследствие уменьшения урумчийских запасов.

Вообще торговля и с Кульджою у нас ничтожна, потому что таранчи бедны и кроме хлеба и скота, которых и у нас в Приилийском крае довольно, ничего не производят.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга

Г. Колпаковский.

РГАДА. Ф. 1385 (Ф. Р. Остен-Сакен). Оп. 1. Д. 1531. Л. 1–6 об. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Имеется в виду восстание мусульман Восточного Туркестана, начавшееся в 1864 г., направленное против китайских властей.
- 2 Якуб-бек (Магомет Якуб-бек Бадаулет) (1820–1877) — правитель государства Йэйтишар в Восточном Туркестане.

Публикация кандидата исторических наук **Владимира БУХЕРТА**

«Поездка сошла вполне благополучно»

Письмо капитана Л. Г. Корнилова

Л. Г. Корнилов. 1918 г.

О Лавре Георгиевиче Корнилове (1870–1918), верховном главнокомандующем русской армии, написано немало, подробности же его дореволюционной биографии малоизвестны. По основной военной специальности Корнилов являлся разведчиком. В 1899–1911 гг. ему довелось побывать в Афганистане, Китае, Персии, Индии¹. Об одной из поез-

док, оцененных военным начальством как «смелый подвиг», в котором Корнилов «рисковал не только свободой, но и жизнью»², обследуя афганскую крепость Дейдади, рассказывается в его письме начальнику штаба Туркестанского военного округа генералу Н. Н. Белявскому³.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее см.: Самойлов Н. А. Азия (конец XIX — начало XX века) глазами русских военных исследователей//Страны и народы Востока. СПб. 1994. Вып. XXVII. С. 292–324; Белоголовый Б. Кашгарские письма Лавра Корнилова//Московский журнал. 1995. № 11. С. 2–9.

2 РГВИА. Ф. 1396 (Штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2. Д. 1543. Л. 2 об.

3 Белявский Николай Николаевич (1846–?) — генерал-лейтенант, начальник штаба Туркестанского военного округа в 1897–1899 гг., Кавказского военного округа в 1899–1904 гг.

Л. Г. Корнилов — Н. Н. Белявскому. Урочище Термез. 21 января 1899 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь
Николай Николаевич.

Два с лишком месяца прожил я в Патта-Гиссаре¹, исполняя поручение, возложенное на меня Вашим превосходительством². Дело заинтересовало меня с самого начала, и я старался вести его с возможною тщательностью, насколько хватало сил и уменя.

Не мне, конечно, судить — соответствуют ли полученные результаты затраченному труду и средствам, но лично меня эти результаты не удовлетворяли.

Все-таки это были лишь распросные сведения, за достоверность которых я, даже находясь у их первоисточника, не мог ручаться. Особенно смущал меня вопрос о крепости Дейдади. О ней ходили всевозможные слухи: то ее изображали простой азиатской калой, то она являлась чуть ли не крепостью европейского характера, с фортами, батареями и проч. Взглянуть на нее самому было слишком соблазнительно, и чем далее, тем искушение становилось все сильнее и сильнее. В конце концов я не устоял против него.

В ночь с 12 на 13 января, переодетый туркменом, в сопровождении двух других туркмен (одного с нашего берега, другого с афганского), я переправился на гупсарах в Чушка-Гузаре и, по дороге через Даулетабад и Балх, прошел в Дейдади. На обратном пути мы осмотрели Тахтапуль, прошли близ Мазари-Шарифа и через Сиягырт вернулись к Термезу, где нас приняли на лодки охотники 13го батальона, охотившиеся на острове Арал-Пайгамбаре. Поездка сошла вполне благополучно, никаких инцидентов не было; я уверен даже, что на той стороне никто и не подозрева-

ет того, что русский офицер побывал в Дейдади. Для предупреждения же распространения слухов о моей поездке здесь, в Патта-Гиссаре, приняты надлежащие меры.

Я сознавал, Ваше превосходительство, что, решаясь на такое дело, не имея на него Вашего разрешения, я совершаю крупный проступок, но, с другой стороны, я был твердо убежден, что Ваше превосходительство сообразовите принять во внимание побуждения, руководившие мной, и, в случае нужды, не откажите в своем заступничестве.

Что касается до результатов поездки, — они таковы: 1) осмотрено укрепление, выстроенное против Чушка-Гузара и набросан его план. 2) Сняты глазомерно в масштабе 6 в[ерст] в дюйме Шор-Тепе — Балх — Дейдади и Дейдади — Тахтапуль — Сиягерт до начала песков. В песках мы заблудились. 3) Набросан план Дейдади и сделаны с нее фотографические снимки, из которых один представляю при сем Вашему превосходительству. 4) Осмотрена кр[епись] Тахтапуль. К сожалению, снимки с Тахтапуля вышли не совсем удачно и требуют некоторых дополнительных работ, которые можно произвести только в хорошей лаборатории. Все добытые во время поездки сведения приводятся мною в порядок и будут представлены Вашему превосходительству по их обработке³.

Кроме того, — в моем распоряжении имеется еще один важный документ: мне удалось достать один экземпляр книги о «Джихаде» (священной войне), изданный эмиром Абдуррахман-ханом⁴.

В виду важности документа я не решился послать его по почте, почему телеграммою от 18 января и просил разрешения Вашего превосходительства приехать в Ташкент, для личного доклада. Получив вчера предписание о командировании для осмотра границы, — я выезжаю туда завтра и вновь прошу Ваше превосходительство, в виду указанной выше причины, вызвать меня, по возвращении из Чубека, в Ташкент.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга

Капитан Корнилов.

*РГВИА. Ф. 1396 (Штаб Туркестанского военного округа).
Оп. 2. Д. 1543. Л. 4–6. Копия.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В Патта-Гиссаре (ныне Термез) размещался штаб Аму-Дарьинской бригады Отдельного корпуса пограничной стражи.
- 2 Официально с 4 ноября 1898 г. Корнилов был командирован в распоряжение начальника 1-й Туркестанской линейной бригады для проведения тактических занятий с офицерами, находившимися в г. Керки и урочище Термез. Фактически задание состояло в сборе сведений об Афганском (Южном) Туркестане.
- 3 См.: Корнилов Л. Г. Поездка в Дейдади//Добавление к «Сборнику материалов по Азии». СПб. 1902. № 6. С. 67–93.
- 4 Абдуррахман-хан (1844–1901) — эмир Афганистана в 1880–1901 гг.

В.Г. Бухерт

ГЕНЕРАЛ СКОБЕЛЕВ ОБ АБДУРРАХМАНЕ АВТОБАЧИ

АБДУРРАХМАНЪ-АВТОБАЧИ

Основы военной славы М.Д. Скобелева¹ закладывались в Туркестане. Участие в завоевательных туркестанских походах не сделало М.Д. Скобелева «ни деспотом, ни злодеем, ни грабителем»² и не уничтожило в нем одну из главных доблестей военного – готовность проявить великодушие к поверженному врагу. Таким врагом для русской армии в Кокандской компании 1875–1876 гг. был предводитель кокандских повстанцев Абдуррахман Автобачи³. Его добровольная сдача в плен означала, по существу, окончание довольно кровопролитных, по меркам туркестанских походов, военных действий. По повелению императора Александра II⁴, в знак благосклонности, Абдуррахман Автобачи был избавлен от наказания, но вместе с тем удален из Туркестана⁵. Другой же лидер Кокандского восстания – Пулат-хан (Мулла Исхак), зарезавший, в отместку за сдачу Абдуррахмана Автобачи, трех его братьев, сноху, а заодно и русских пленных, был пойман и, по приказу туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана⁶, повешен на месте совершения преступления, в Маргелане⁷.

О дальнейшей судьбе самого Абдуррахмана Автобачи, после высылки его из Туркестана, ничего не было известно. Из обнаруженных в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) документов следует, что Абдуррахман Автобачи был поселен в Екатеринославе.

21 декабря 1879 г. Абдуррахман Автобачи написал Скобелеву, напоминая данное генералом ранее обещание содействовать возвращению в Туркестан⁸. М.Д. Скобелев 25 января 1880 г. обратился с письмом к начальнику Главного штаба генералу Ф.Л. Гейдену⁹, в котором ходатайствовал о «возможном облегчении участи» Абдуррахмана Автобачи и в особенности «об успокоении его знаком царского внимания»¹⁰. Второй раз Абдуррахман Автобачи обратился к М.Д. Скобелеву 10 марта 1880 г., по случаю распространившихся, но так и не подтвердившихся слухов о назначении М.Д. Скобелева туркестанским генерал-губернатором¹¹.

Хотя вернуться в Туркестан Абдуррахману Автобачи разрешено не было, но, благодаря заступничеству М.Д. Скобелева, ему был присвоен (с 1 января 1881 г.) чин подполковника милиции¹², что было все же шагом по его реабилитации, до которой, впрочем, Абдуррахман Автобачи не дожил. Он умер в Екатеринославе 25 мая 1881 г.¹³, оставив жену Зулейху и малолетнюю дочь.

М.Д. Скобелев – Ф.Л. Гейдену

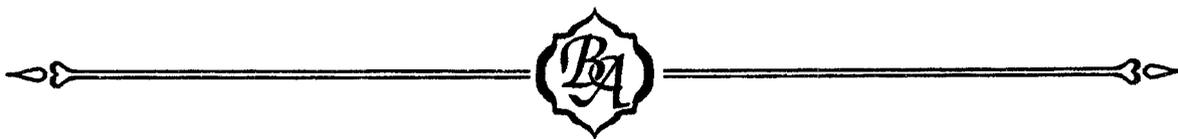
С.-П[етер]бург, Моховая улица,

д. Дивова.

25 января 1880 г. 5 ч[асов] по полуд[ни].

Милостивый государь граф Федор Логгинович.

Имею честь представить Вашему сиятельству письмо¹⁴ ко мне Абдуррахмана Автобачи (здесь и далее подчеркнуто автором письма. – В.Б.), бывшего предводителя воо-

руженного сопротивления кокандского народа – газа[в]ат 1875–1876 гг.

Личность Абдуррахмана Автобачи весьма замечательная, по своим качествам донельзя симпатичная и даже заслуживающая, в известном смысле, доверия; но по значению его в бывшем ханстве Кокандском, храбрости и боевому опыту должно признать Абдуррахмана Автобачи, при случае, опасным вождем мусульманского движения в том крае. Если бы ему удалось появиться в горах ферганского Тянь-Шаня, напр[имер] в долине Алая, то присутствие его, с враждебными нам намерениями, не осталось бы без, быть может, серьезных последствий в среде сравнительно воинственного кара-киргизского населения этой окраины и даже отчасти, быть может, в долине Ферганы.

Между тем Абдуррахман Автобачи много путешествовал; он был в России, Константинополе, Мекке; он решился на борьбу с русскими по возвращении из Мекки и Стамбула, под впечатлением там пережитого, где ему легко было даже войти в личные сношения с враждебными нам европейцами. Принимая во внимание, что Абдуррахман Автобачи сдался со своими [о]полченцами 22 января 1876 г.¹⁵ на милость Государя императора, которая ему и была обещана, что он, после изъявления покорности, послужил нам значительно своим влиянием в деле быстрого, бескровного умиротворения ханства Кокандского, наконец, что он держал себя относительно нас во время войны с крайним достоинством и без обычной азиатской жестокости, я беру на себя смелость как бывший начальник Наманганского действующего отряда ходатайствовать о возможном облегчении участи Абдуррахмана Автобачи и, в особенности, об успокоении его знаком царского внимания, что более всего может на него подействовать.

Во всяком случае смею доложить, что исчезновение Абдуррахмана в настоящую минуту, как то было недавно с Худояр-ханом¹⁶, могло бы иметь для спокойствия наших среднеазиатских владений невыгодные последствия¹⁷.

Имею честь быть Вашего сиятельства покорный слуга

М. Скобелев

РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 633. Л. 1–2. Автограф.

Примечания

¹ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник Наманганского отдела (1875–1876), военный губернатор Ферганской области (1876–1877), командир 4-го армейского корпуса (с 1878 г.).

² Масальский В.Н. Скобелев: Исторический портрет. М., 1998, с. 74.

³ Офтобачи – одна из должностей при ханском дворе, однако в русских источниках и литературе эта должность писалась как прозвище Абдуррахмана в версии «Автобачи».

⁴ Александр II (1818–1881) – российский император (с 1855 г.).

⁵ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906, т. II, с. 393.

⁶ Кауфман Константин Петрович (1818–1882) – инженер-генерал, генерал-адъютант, туркестанский генерал-губернатор (с 1867 г.), почетный член АН (с 1873 г.).

⁷ Терентьев М.А. Указ соч., т. II, с. 398.

⁸ РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 633. Л. 3-3об.

⁹ Гейден Федор Логгинович (1821–1900) – граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник Главного штаба (с 1866 г.), финляндский генерал-губернатор (1881–1897).

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 633. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 10 – 10 об.

¹² Там же. Л. 21 – 22 об. Милицией в России XIX в. называлась разновидность ополчения.

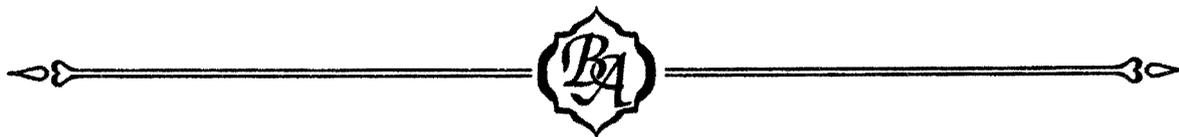
¹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 633. Л. 45.

¹⁴ Приложено письмо Абдуррахмана Автобачи от 21 декабря 1879 г.

¹⁵ По другим сведениям, Абдуррахман Автобачи и бывшие с ним (всего около 400 человек) сдались 24 января 1876 г. в кишлаке Гинду в 8 верстах от Андижана (См.: Терентьев М.А. Указ соч., т. II, с. 393).

¹⁶ Худояр-хан (1835–1886) – правитель Кокандского ханства (1845–1875).

¹⁷ После свержения Худояр-хана, в результате Кокандского восстания, он был 8 сентября

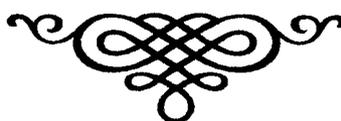

1875 г. поселен в Оренбурге, откуда в ночь на 12 ноября 1877 г. скрылся в неизвестном направлении. Проживал в Афганистане, где и скончался,

---

был похоронен в Герате. (См.: *Диваев А.* Последние дни Худояр-хана // Туркестанские ведомости, 1916, 26 января / 8 февраля, № 20).

DOI: 10.31696/2072-5795-2021-1-55-58

В.Г. Бухерт

М.Л. ЮДИН О ПАМЯТНИКАХ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ. 1914–1916 гг.

О полковнике Оренбургского казачьего войска Михаиле Львовиче Юдине (1857–?), действительном члене Оренбургской учёной архивной комиссии, старшем брате историка-архивиста и краеведа П.Л. Юдина¹ известно немного. Опубликованные работы М.Л. Юдина посвящены истории Оренбургского казачьего войска², писал он и о необходимости охраны памятников военной истории в Туркестанском крае³.

16 июня 1914 года он обратился в Императорское Русское историческое общество (ИРИО) с просьбой о выделении средств на издание подготовленных им работ: «Туркестанские военные памятники и могилы», «Главные начальники Туркестанского края» и сборник очерков, рассказов под заглавием «Из степной старины». Издание своих работ М.Л. Юдин планировал приурочить к пятидесятилетней годовщине взятия Ташкента русскими войсками под руководством подполковника М.Г. Черняева⁴.

Обращение М.Л. Юдина в ИРИО не возымело последствий. М.Л. Юдину было отказано в финансировании издания подготовленных им работ по формальному основанию: 5 августа 1914 года секретарь ИРИО В.И. Сайтов⁵ писал М.Л. Юдину, что ИРИО «не берёт на себя издание чужих работ и не имеет на этот предмет средств»⁶.

М.Л. Юдину всё же удалось заручиться обещанием туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова выделить средства на издание подготовленных им трудов. Но начало Первой мировой войны, отъезд А.В. Самсонова на фронт, где он вскоре погиб, и отказ от программы торжеств по случаю присоединения Ташкента к Российской империи помешали получить субсидию на издание.

25 июня 1916 года М.Л. Юдин обратился за помощью к графине П.С. Уваровой, воз-

главлявшей Московское археологическое общество. Он писал ей о многочисленных военных памятниках и братских могилах русских солдат и офицеров, разбросанных по территории Туркестанского края. Большинство из них находятся в столь труднодоступных местах, писал М.Л. Юдин, что «редко кому-либо из русских любознательных людей придёт охота посетить эти места, разве только слепой случай приведёт к дорогим памятникам и могилам», о существовании же некоторых из них «даже и совсем неизвестно русскому обществу». Он рассматривал издание своего труда о русских военных памятниках в Туркестанском крае (снабжённого фотографическими снимками) как способ ознакомить с ними общественность и тем самым «сохранить эти памятники, служащие указателями, вехами на пути русского поступательного движения в глубину Средней Азии». М.Л. Юдин просил графиню П.С. Уварову «оказать своё содействие к изданию» труда или «указать выход из затруднительного положения»⁷. По-видимому, и на этот раз получить средства на издание своего труда ему не удалось.

Местонахождение работ М.Л. Юдина, как и дальнейшая судьба их автора остаются, к сожалению, до настоящего времени неизвестными.

№ 1

М.Л. Юдин – Императорскому Русскому историческому обществу

Ташкент, Московская ул. № 11.

16 июня 1914 г.

В Императорское Русское историческое общество

В будущем 1915 году исполняется 50 лет со времени покорения генералом Черняевым⁸ города Ташкента. По этому случаю

мною заканчиваются три довольно объёмных исторических труда.

I. «Туркестанские военные памятники и могилы» по следующей программе:

- а) Значение памятников;
- б) Краткий очерк поступательного движения в Среднюю Азию;
- в) Описание разбросанных по Туркестанскому краю памятников в хронологическом порядке тех событий, к которым они относятся, причём будет дано краткое изложение самих событий, а при описании памятников будут приведены имеющиеся на них надписи, время, а если представится возможным, то и церемониал открытия;
- г) Сведения о военных могилах, на которых памятников ещё нет, но было бы желательно их иметь;
- д) Перечисление событий из истории походов, с указанием мест, которые также было бы желательно отметить какими-либо знаками на память и в назидание потомству. Объём труда до 500 стр. книжного формата, может быть и больше, включает более сотни рисунков памятников и портретов деятелей, с виньеткой на заглавном листе.

II. «Главные начальники Туркестанского края», за первое пятидесятилетие его существования под Русской державой; краткие биографии с портретами. Объём около 250 печатных страниц; 22 портрета и виньетка заглавного листа.

III. «Из степной старины», сборник очерков, рассказов и описаний отдельных подвигов туркестанских воинов и эпизоды из походной жизни. Объём около 250 страниц, с виньеткой заглавного листа.

Все три книги необходимо издать к дню празднования знаменитой годовщины, в количестве хотя бы 2000 экземпляров каждый.

К сожалению, я лично не имею на это нужных средств. Мои попытки найти эти средства здесь в Ташкенте не увенчались успехом, несмотря на выраженное всюду сочувствие к моим трудам.

При всём том, однако, мне не хотелось бы отдавать свои труды издателю спекулятору, да к тому же здесь и нет таких предпринимателей: надо обращаться в столицы.

Мне же бы хотелось выпустить книги здесь, в Ташкенте, на месте событий, под своим личным наблюдением и корректурой во избежание искажающих смысл опечаток.

Ввиду изложенного я беру смелость обратиться к Императорскому Русскому историческому обществу с покорнейшей просьбой оказать мне поддержку в этом деле, принять мои труды под своё покровительство, помочь мне выпустить их в свет своевременно и в должном виде, для чего снабдить меня денежными средствами в необходимом размере: частью в виде субсидии, а частью в виде ссуды, которая может быть погашена при продаже книг.

Прежде всего мне необходимо иметь около 2000 руб[лей] на изготовление клише рисунков, виньеток и портретов. Последние, кроме того, необходимо отпечатать более тщательно в лучшей столичной типографии и на лучшей бумаге.

Покорнейше прошу Общество войти в моё безвыходное положение и выручить меня из него. В противном случае труд многих лет, все собранные и частью обработанные материалы и затраченные на их собирание средства должны будут пропасть даром и бесследно.

Прошу не отказать в возможно скором извещении меня о результатах моей просьбы, чтобы я мог заканчивать свою работу с большей уверенностью и спокойствием или бросить, отказаться от неё, как от неблагодарного труда.

Мих[аил] Льв[ович] Юдин.

Отставной полковник

РГИА. Ф. 746 (Русское историческое общество). Оп. 1. Д. 68. Л. 2-Заоб. Автограф.

№ 2

М.Л. Юдин – П.С. Уваровой⁹

Ташкент. Московская, 11.
25 июня 1916 г.

Ваше сиятельство, милостивая государыня Прасковья Сергеевна!

По обширному Туркестанскому краю разбросаны многочисленные военные па-

мятники и братские могилы, свидетельствующие о заслугах и подвигах русских воинов и напоминающие о выдающихся событиях из истории русского движения вглубь Средней Азии. Одни из них служат украшением городов, а другие (и таких больше) находятся в таких глухих, труднодоступных местах, что редко кому-либо из русских любознательных людей придёт охота посетить эти места, разве только слепой случай приведёт к дорогим памятникам и могилам. О существовании же многих памятников даже и совсем неизвестно русскому обществу. Некоторые из них, построенные недостаточно прочно, приходят в разрушение, бесследно исчезают и забываются. Были случаи замены одних памятников другими. Было бы весьма желательно сбегать, сохранить эти памятники, служащие указателями, вехами на пути русского поступательного движения в глубину Средней Азии, а вместе с тем ознакомить с ними русское общество.

В продолжение многих лет я собирал сведения и материалы об этих памятниках русской славы и, в связи с архивной работой по истории завоевания Туркестана, собрал весьма богатый материал и многочисленные фотографические снимки памятников. Стоило это мне немалых трудов и значительных затрат. Свой труд о русских военных памятниках в Туркестане я предполагал издать ко дню 50-летия взятия г. Ташкента русскими войсками под командованием генерала Черняева, но, по неимению средств, не мог этого выполнить. В 1914 году, во время приготовлений к торжественному празднованию знаменательного юбилея, покойный туркестанский генерал-губернатор Самсонов¹⁰ обещал мне дать субсидию на издание моего труда из сумм, ассигнованных на юбилейные торжества; но разразившаяся жестокая война помешала этому: пришлось отказаться от торжеств, а деньги употребить для других целей. Найти издателя для моего труда в столицах, а тем более здесь, в Ташкенте, не удалось, да и невозможно.

Теперь я обращаюсь к Вашему сиятельству, известной покровительнице историче-

ской науки, не найдете ли возможным прийти ко мне на помощь, оказать своё содействие к изданию моего труда или указать выход из затруднительного положения.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

Вашего сиятельства покорный слуга
Мих[аил] Юдин, полковник

25 июня 1916 года.

ЦИАМ. Ф. 454 (Московское археологическое общество). Оп. 2. Д. 508. Л. 7-8. Автограф.

Примечания

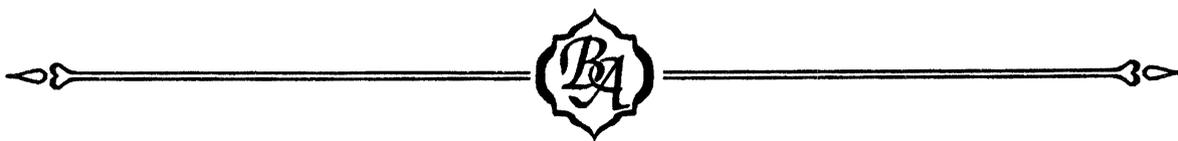
¹ Юдин Павел Львович (1864–1928) – историк-архивист, краевед и журналист, хорунжий Оренбургского казачьего войска, ст. научный сотрудник Астраханского архивного бюро (с 1924 г.). См. о нём: *Киржинова Ф.А.* Историк-архивист Павел Львович Юдин (1864–1928): библиографические сведения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Майкоп, 2011. № 3. С. 72-76; *Она же.* Историография истории терского казачества XVI–XVIII вв. в работах П.Л. Юдина // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2011. № 9. С. 81-86; *Цогоев В.Г.* Историк-архивист П.Л. Юдин во Владикавказе: неизвестные страницы биографии // Вестник Владикавказского научного центра. Владикавказ, 2011. Т. 11, № 4. С. 2-7.

² *Юдин М.Л.* Невольные путешественники: (Приключения трёх оренбургских казаков в Китае) // Исторический вестник, 1901. Кн. 9. С. 919-942; Оренбуржцы в войнах 1812–1814 годов. Ташкент, 1912; Взятие Ак-Мечети в 1853 году как начало завоевания Кокандского ханства. М., 1912 и др.

³ *Юдин М.Л.* Охрана туркестанских древностей // Окраины России, 1912, 26 мая, № 21. Об этих памятниках см.: *Сокол К.Г.* Монументы империи. М., 1999.

⁴ Ташкент капитулировал 17 июня 1865 г., после предпринятого русскими войсками штурма.

⁵ *Сайтов Владимир Иванович* (1849–1938) – историк русской литературы, библиограф, член-корреспондент Петербургской АН (с 1906 г.).

---

⁶ РГИА. Ф. 746 (Русское историческое общество). Оп. 1. Д. 68. Л. 6.

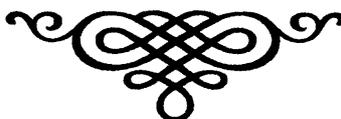
⁷ ЦИАМ. Ф. 454 (Московское археологическое общество). Оп. 2. Д. 508. Л. 7–8.

⁸ Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – генерал-лейтенант, военный губернатор Туркестанской области (1865–1866 гг.), туркестанский генерал-губернатор (1882–1884 гг.).

---

⁹ Уварова (урожд. княжна Щербатова) Прасковья Сергеевна (1840–1924) – графиня, председатель Московского археологического общества (с 1884 г.), почётный член Петербургской АН (с 1894 г.).

¹⁰ Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) – генерал от кавалерии, туркестанский генерал-губернатор (с 1909 г.).

ЮНОСТЬ

1⁽⁴¹⁶⁾ '90

**С НОВЫМ ТОДОМ,
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!**

**Вместе
с добрыми пожеланиями
благодарим вас
за доверие
к нашему журналу:
на этот год
у нас прибавилось
230 тысяч
подписчиков!**

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР**

**ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1955 ГОДУ**

**Главный редактор
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ**

Редакционная коллегия:

**Анатолий АЛЕКСИН
Татьяна БОБРЫНИНА**

Борис ВАСИЛЬЕВ

Юрий ЗЕРЧАНИНОВ

Натан ЗЛОТНИКОВ

Фазиль ИСКАНДЕР

Римма КАЗАКОВА

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Олег КОКИН

Александр ЛАВРИН

Виктор ЛИПАТОВ

(заместитель главного редактора)

Игорь ОБРОСОВ

Мария ОЗЕРОВА

Юрий ПОЛЯКОВ

Виктор РОЗОВ

Юрий САДОВНИКОВ

(ответственный секретарь)

Александр СЕРЕБРОВ

Евгений СИДОРОВ

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

**Издательство ЦК КПСС «Правда»
Москва**

Юрий ПАПОРОВ

«БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ?...»

Тех, кто всерьез интересовался историей борьбы с басмачеством, всегда смущало странное обстоятельство: исторические труды, романы и остросюжетные фильмы рассказывали нам одно, а аксакалы и яшулы — совсем другое. Невольно возникал и возникает по сей день вопрос: нас учили не тому, что было, говорили то, что кому-то нужно было сказать, вопреки историческим фактам?

Родился я и вырос в Туркмении. В 1926 году во время внезапного захвата басмачами Хивы, оставленной военным гарнизоном, был вместе с матерью укрыт узбеком верблюжьей колочкой в арыке, что спасло нам жизнь. Последние десять лет скрупулезно изучал архивы и теперь абсолютно уверен в том, что, поведай нам ученые и художники правду о басмачестве, о действительных причинах его возникновения и длительного существования, дай услышать раздававшиеся в те годы призывы наиболее прозорливых политических и военных деятелей понять своеобразие ситуации в Средней Азии, психологию и быт, жизненные устои ее разноплеменного населения, не было бы многого из того, что вписано черными буквами в нашу подлинную историю.

«Белое солнце пустыни!» Бестселлер — определит литератор, шлягер — скажет эстрадник, кассовый фильм — с гордостью произнесет кинодеятель. Действительно, кто не восхищался этой картиной! Большинство советских людей обмирало от восторга и соответственно воспитывалось... чистой воды историческими измышлениями, мистификацией, заведомым искажением истины, как в былые времена «Кубанскими казаками» и «Кавалером Золотой звезды».

Режиссура, операторская работа, игра актеров, даже труд директора картины «Белое солнце пустыни» — все заслуживают признания, однако изложение темы, ее трактовка лживы. Сценарист — мастер своего дела и мастерски сделал то, что от него ждали, — мастерски врал, или, как писал Александр Твардовский, «врал весело и складно».

Когда с подобным приходилось встречаться в странах Латинской Америки, конкретно с фильмами, создававшимися Голливудом на историческую тематику латиноамерикан-

ских стран, непременно тут же слышалось: «На то он и Голливуд, на то они и великая нация, чтобы, искажая нас и нашу историю, возвеличивать себя». Я это понимал и осуждал. Однако, — так был воспитан, — глядя на то же самое у нас — никак не реагировал, бровью не вел... до недавнего времени, пока не занялся, в связи с работой над романом о Кайгысызе Атабаеве, изучением архивных документов и сразу же не ощутил, как количество достоверной информации перешло в качество, и... устыдился. А тут подоспел и свежий ветер перестройки.

Под напором ветра стали рушиться хилые постройки, обнажать себя гнилые конструкции. Правда обрела голос и как под рентгеном стала обнаруживать наши болячки.

Одна из них — состояние межнациональных отношений в нашем Союзе, которое молчанием не улучшить. Кое-кто, и прежде всего нынешние руководители партий и правительства республик Средней Азии, продолжая оставаться в плену традиций застоя, как и в былые времена, стремятся прикрыть дыры в отношениях цветастой штопкой из фраз, успокоить Москву, не вызывать волнения у руководителей КПСС и правительства Союза, которые и «без того заняты делами». А ученые? Может быть, им просто не хватает гражданского мужества признать огрехи времени, принесшие нам столько бед, повиниться публично и обрести наконец признание и уважение народных масс, а не отдельной маленькой их части, ставшей руководителями разных масштабов?..

Разговор об истории басмачества в Средней Азии, очищение этих страниц прошлого от лжи есть один из непереносимых путей в решении межнационального вопроса. Я в этом убежден еще и потому, что всякий раз, когда бываю в городах, и особенно сельских поселениях Советского Востока, непременно слышу рассказы людей разных возрастов и профессий о прошлом их родов. До пятого колена все, кто входил в род, перечисляются, с соответствующим чувством гордости в душе, поименно и с изложением их судеб и с чувством горечи вспоминаются те, кто погиб в период «борьбы с басмачеством».

Эта память — тяжелый груз на душах и в сознании людей Советского Востока. И сегодня наша задача — снять этот груз рассказом о том, как все было, почему, и... повиниться, если хотите. Обязательно!

Еще в сентябре 1917 года 2-й мусульманский съезд вынес на обсуждение вопрос, программу и план осуществления автономии Туркестана. Духовенство и наиболее состоятельная часть местного населения ряда городов, но главным образом Коканда — крупнейшего экономического и политического центра Ферганской долины (382 мечети, 42 медресе и 6 тысяч служащих мусульманского культа), решили воспользоваться развернувшейся борьбой Советов за власть с Временным правительством. Привлекая мусульманское население, делая ставку на его стремление к независимости от русского царя, эти деятели задумали создать самостоятельное Кокандское ханство с последующей организацией Средне-Азиатского халифата. Объединение же под их лозунгами определенных сил, проведение 4-го Чрезвычайного краевого мусульманского съезда, на котором было избрано правительство, произошло, лишь когда в Туркестане уже существовала Советская власть. В декабре 1917 года, когда праздновался день рождения Магомета, почти по всем городам Туркестана это Кокандское правительство провело демонстрации, требуя своего признания. В ночь с 29 на 30 января 1918 года вооруженные отряды, стоявшие на стороне Советской власти, начали борьбу с Кокандским правительством, по сути, первыми в России открыв фронт гражданской войны.

Вот как писал об этом событии его участник Д. Е. Коновалов: «В подавлении «Автономного движения в Коканде» порой принимали участие случайные, хулиганские и прямо преступные элементы (не было времени фильтровать), которые хотели на этом погреть руки у чужого добра».

События именно эти, как утверждают наши историки, породили басмачество. Но было ли это действительно басмачеством, ученым сейчас предстоит разобраться.

К тому времени Совет Народных Комиссаров Туркестанского края распустил Ташкентскую городскую думу, упразднил канцелярию бывшего генерал-губернатора, закрыл буржуазные газеты, конфисковал запасы хлопка, провел национализацию добычи нефти, рыбной промышленности, судходного общества «Хива», всех типографий и литографий, создал ЧК, провозгласил отделение церкви от государства и школы от церкви. Это последнее мероприятие в условиях Туркестана оказалось делом поспешным, а то и откровенно вредным для Октябрьской революции.

Ситуацию несколько выровняло Обращение СНК РСФСР, подписанное В. И. Лениным «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», главное положение которого, уложенное в трех строках, — «Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», передавалось из уст в уста. Оно особенно вдохновляло местную интеллигенцию, принявшую всем сердцем освободительную политику Октябрьской революции.

Однако В. И. Ленин превосходно понимал сложность дел в Туркестане и причины этой сложности, поэтому и направил в Ташкент весной 1918 года группу опытных партийных товарищей во главе с П. А. Кобозевым. Наказ вождя был четок: иметь особый подход к советизации края, не забывая ни на минуту о том, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к демократии пролетариата; помнить о местных традициях, которые сильны и серьезно затрудняют сближение русского пролетариата с трудовым дехканством. Кобозев ехал с основной задачей — усилить работу среди мусульман, чтобы отколоть мусульманский пролетариат от мусульманской буржуазии и создать мусульманские Советы.

Среди тогдашних руководителей Советского Туркестана т. Кобозев практически не нашел сторонников. Лишь авторитетом Ленина он сумел провести в постановлении 5-го Всетуркестанского съезда Советов рабочих и мусульманских депутатов, проходившего в Ташкенте в апреле 1918 года и объявившего Туркестанский край автономной республикой в составе РСФСР, пункт «о решительной необходимости самого широкого привлечения мусульманских пролетарских масс к участию в созидательной работе края, с тем чтобы народы, населявшие его, могли стать в ряд активных борцов за дело всемирного рабочего класса». Однако ни в состав правительства края, ни в краевые органы Советской власти представители трудовых масс и местной интеллигенции по-прежнему не привлекались. Это явилось активной питательной средой в деле агитации против Советской власти, а отсюда и причиной роста так называемых басмаческих отрядов.

Весь Ташкент знал в деталях перипетии борьбы т. Кобозева, значит, знал об этом при помощи веками превосходно действовавшего в крае беспроволочного телеграфа и весь Туркестан. Борьба же эта принимала порой острейший характер. Так, однажды в пылу перепалки активный участник ташкентских революционных событий 1905 и 1917 годов А. А. Казаков, соратник председателя СНК Ф. И. Колесова заявил: «Слушай, Кобозев, ты возьми и застрелись, а мы тебя похороним, как героя. Ты нам мешаешь!» На что Кобозев ответил: «Нет, ты меня сам расстреляй, а мои товарищи будут тебя судить. И мне в конце концов памятник поставят, а тебе нет. И моя линия победит!»

Нет сомнений, что несумелые, далекие от правильной линии действия самого Ф. И. Колесова, как и его представителя А. И. Фролова, сгенерировали Ашхабадское восстание, первоначальные лозунги которого: «За Советскую власть, но против отдельных негодных комиссаров». «За Советскую власть, но против большевиков» и затем только «К учредилке» — говорят сами за себя. Естественным было скатывание восстания на открыто антисоветские позиции. Иного пути быть не могло, как и не могли это восстание не попытаться использовать в своих интересах находившиеся рядом оккупационные войска Великобритании. И они это сделали, введя свои отряды в Закаспий.

В январе 1919 года «в Ташкенте продолжалась борьба между партиями», решавшими, «кто старше, кто моложе, кто сильнее, кто умнее», и ясно же, что это опять сложило благоприятные условия для Ташкентского мятежа советского военного комиссара К. П. Осипова, во время которого погибли многие партийные и советские работники, в том числе четырнадцать Туркестанских комиссаров. Это еще больше усилило позиции врагов Советской власти, подлило воду на мельницу разраставшегося движения коренных жителей края против Советской власти.

А тут подоспели отрицательно проявить себя и последствия осуществления в Туркестане хлебной монополии, продовольственной диктатуры с запретом базаров, свободной торговли хлебом, от чего, конечно же, в специфических условиях Туркестана следовало бы временно воздержаться. Основательно масла в огонь подлила продразверстка, заме-

нившая в январе 1919 года монополию и диктатуру.

Сомнений нет, что, пожалуй, самым главным тормозом и препятствием к сближению с населением трудно создававшихся на местах Советов и причиной дальнейшего роста так называемого басмачества явилась совершенно неслепая практика проведения в Туркестане продовольственной разверстки.

Имела место знакомая по России схема: мера революционности и залог светлого будущего победившей царизм революции рабочих и крестьян продотрядовцы видели в максимализме выполнения поставленной перед ними задачи и в минутном результате без какого-либо желания, а скорее без возможности подумать, что же будет завтра. Их низкий культурный и политический уровень при наличии сознания своей исключительности создавал такую картину, о которой предпочтительнее говорить языком документов.

Архивы открывают перед нами, например, вот такое свидетельство, взятое из доклада особых отделов и ЧК при Военно-политической экспедиции РВС Туркестана, созданной специально как мера предосторожности от возможных перегибов, одним из руководителей Советского Туркестана тех лет, Н. А. Паскуцким, понимавшим истинную суть проблем Туркестана, правильно ставившим вопросы, но не всегда имевшим сторонников, особенно среди военных, только что прибывших в регион: «Сказать утвердительно, что производится сейчас (XI—20 г.—Прим. мое.) — разверстка или монополия, — невозможно, так как в некоторых поселках и кишлаках производится разверстка, а в некоторых — просто изъятие всего имеющегося налично хлеба, не оставляя даже и на неделю на пропитание... в Присуйском районе забран весь хлеб, а крестьяне других поселков вынуждены даже покупать хлеб, чтобы выполнить продразверстку... Продработники занимаются кутежами, творя поступки, недостойные представителей Советской власти. Часто приезжают в поселки, забирают хлеб и другие продукты, не выдавая расписок и не платя за забранное... Доставленный хлеб в счет разверстки ссыпается в непригодные для этого помещения, благодаря чему хлеб гниет. Видя это, крестьяне часто отказываются от выполнения разверстки». «Отказываются от выполнения разверстки» следует читать — «вынуждены брать в руки оружие и уходить в горы».

Упомянувшийся уже Д. Е. Коновалов, бывший штабс-капитан, за храбрость и смелость получивший 4 Георгиевских креста в первую мировую войну и орден Красного Знамени в гражданскую, вел боевые действия в Коканде, Бухаре, Самаркандской и Ферганской областях Туркестана. Он тоже высказывал свое мнение о том, как проводилась в Туркестане продразверстка: «Из собственных наблюдений и многочисленных донесений, имеющихся у меня, приходилось устанавливать в очень и очень многих случаях, что вся тяжесть продразверстки ложится на беднейшее население, а байство каким-то особенным путем (который известен только им, да, полагаю, и некоторым продовольственным агентам) всегда устраивалось так, что все причитающиеся с них продукты не отдает. Подобная продовольственная работа размывает почву, на которой мы собираемся строить и закреплять свою опору на беднейшем и трудовом середнячком дехканстве».

Сдавая пост командующего Ферганской армейской группы т. Коновалов в рапорте командующему Туркфронтом от 4.IV.21 года сделал такое заключение: «Преступлением, срывом начавшейся ликвидации басмачества послужит работа продорганов, когда она пойдет и теперь по тому пути, который отмечен в сводке» и «Окончательно ликвидировать басмачество исключительно военной силой НЕВОЗМОЖНО». Эта фраза в документе подчеркнута жирным синим карандашом, и рядом начертано: «Вполне согласен!» Эта пометка сделана командующим Туркфронтом В. С. Лазаревичем, который наложил на рапорте и резолюцию: «Совершенно согласен с т. Коноваловым! 4.V.21 г.».

Чтобы поправить дело, В. И. Ленин и ЦК РКП(б) постоянно направляли в Туркестан сильных парт- и совработников, меняли председателей и составы Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, Туркбюро ЦК РКП(б), часто через РВС Союза, смещали командующих Туркфронтом, членов РВС. И все потому, что позиция «шапками закидаем», «придем, увидим, победим» перемальвала многих людей, как жернова зерно, натываясь на реальную действительность, которую большинство не желало брать во внимание, а может быть, и не понимало.

Уместно здесь привести, на мой взгляд, пророческие слова В. И. Ленина, которыми он изложил предельно верную, с точным попаданием в цель свою идею советской политики

на Востоке. И сделал В. И. Ленин это в письме А. А. Иоффе, направлявшемуся на работу в Ташкент в качестве заместителя председателя Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР в сентябре 1921 года: «Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы уклона в эту сторону не потерпим. Это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим. Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным».

«Тысячу раз осторожным» — это, конечно же, не бояться, но действовать с глубоким знанием дела, с тактом, с учетом местных условий. Чего в действительности было мало, а уж после смерти Ленина и вовсе не было. В этом отступлении от Ленина и следует усматривать одну из главных причин нынешней остроты межнациональных отношений в республиках Средней Азии.

В конце 1921 и начале 1922 года, не видя понимания ситуации руководителями тогдашнего Туркестана, «басмачи» уже принялись разрушать заводы и фабрики, железнодорожные пути, увозить инвентарь, вычищать все хлебные запасы. В результате на 1 мая 1922 года из 180 хлопкоочистительных заводов действовало 4, из 18 маслобоен — ни одна. Общие посевы сократились на 2/3, а посевы хлопка — в 10 раз. Население Ферганы уменьшилось на одну треть.

К этому времени в Туркестане значительно выросли, политически возмужали местные кадры руководителей, такие, как председатель ТуркЦИКа А. Рахимбаев, секретарь ЦК КПТ Н. Тюрякулов, председатель СНК К. Атабаев, Ф. Ходжаев, Хедыр-Алиев, Т. Хакимов, Н. Ходжаев, М. Сергазиев, С. Касымходжаев, А. Икрамов, и другие. Они тонко и глубоко чувствовали и понимали ленинскую политику и, не жалея себя, боролись за ее проведение в жизнь.

Чтобы дальше быть более убедительным, мне представляется уместнее всего дать слово одному из таких ленинцев, который выступил с докладом на 5-м заседании 4-го пленума ТуркЦИКа, состоявшегося 18 июля 1922 года в Ташкенте. Заседание вел председатель ТуркЦИКа Абдулло Рахимбаев. Ниже привожу стенограмму.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Товарищи, заседание считается открытым. Не членам партии, кроме стенографисток, предлагается покинуть заседание. На очереди стоит вопрос о басмачестве. Слово предоставляется т. АТАБАЕВУ.

АТАБАЕВ: Товарищи, басмачество является крупнейшим упреком всей нашей работе в Туркестане и, может быть, даже на Востоке. На самом деле чем объясняется то, что басмачество в течение 4 лет не только не ликвидировано, но, наоборот, оно в Фергане разрослось, перебросилось в другие области и захватило собой всю Самаркандскую, часть Сурхан-Дарьинской и Туркменской областей. Это объясняется тем, что вся наша работа, которая проводилась в течение 4 лет, являлась полным противоречием тому укладу жизни, быту, традициям, которые складывались здесь, среди туземного населения, веками. Наше неумение учесть обстановку является нашей общей болезнью: оно привело нас к тяжелым осложнениям в ряде сопредельных стран, где мы так или иначе очутились в роли руководителей.

Для того чтобы наиболее ярко оттенить наши ошибки, промахи и подчас безобразия в Фергане, считаю необходимым вкратце остановиться на характеристике нашей работы в других сопредельных с нами странах. Возьмем революционное движение в Персии. Вы знаете, что в 20-м году мы достигли колоссальных успехов: наши войска, победив белогвардейские банды в Закаспии, для окончательной их ликвидации, заняли Энзели. Тут выброшенный нами лозунг «Борьба с английским империализмом», вполне понятный персидскому населению, ибо оно десятилетиями испытывало и несло на себе гнет англичан, вызвал сочувствие и привлек к себе персидское население.

В этой борьбе мы увязались с одним из крупных персидских революционеров, с Кучук-Ханом*, совместно с которым мы заняли всю Хорасанскую провинцию и вынудили англичан приступить к эвакуации Мешхеда. И вот когда мы, казалось, достигли наибольших успехов, мы вдруг вспоминаем, что мы коммунисты и что иметь дело с Кучук-Ханом, который происходит из ханского рода, является соглашательством, меньшевизмом и т. д. Поэтому мы объявили его низложенным, и прежде всего ему самому, и старались опереться на войсковые части, которые шли с Кучук-Ханом.

Кучук-Хан, конечно же, не преминул открыть немедленно против нас фронт, и в результате мы вынуждены были уйти из Персии восвояси. Таким образом, вся наша работа, все наши достижения в Персии провалились.

Если кто-нибудь из вас знаком с обстановкой в Персии, с той беспросветной нищетой, которая там господствует, с тем фанатизмом и отсталостью населения, которые там существуют, неорганизованностью, темнотой персидских трудящихся масс, тому станет понятно, что говорить о классовом расслоении там является абсурдом.

Если теперь мы возьмем Хиву, то увидим, что и здесь мы со своей работой провалились не менее печально.

Вы знаете, что после Октябрьской революции мы решили во что бы то ни стало революционизировать Хиву. В своем движении мы тут встретились с Джунеид-Ханом, который в прежнее ханское время был премьер-министром.

Мы захватили столицу Хивинского ханства — город Хиву, арестовали самого хивинского хана, но уничтожить Джунеид-Хана долго не могли и едва ли сумели бы ликвидировать, если бы нам не помог счастливый случай. К борьбе с Джунеид-Ханом случайно были привлечены другие туркменские вожди, как раз враждебные Джунеид-Хану, некто Гулам-Али и Кошмамед. В результате мы добились борьбы двух родов, а Джунеид-Хан, при помощи Гулама-Али и Кошмамеда, совместно с нашей Красной Армией, был уничтожен как боевое соединение.

Но после этих первых успехов мы опять-таки и здесь, в Хиве, обнаруживаем абсолютное незнание и неумение учесть окружающую обстановку, удивительную куриную слепоту.

Я не буду долго здесь останавливаться, а укажу, что в Хиве живут две народности — иомуды и узбеки, которые истари враждуют между собой, главным образом на почве водопользования ирригационной сетью. Узбеки имеют возможность захватывать львиную долю водных токов, тогда как иомуды, сидя внизу, вынуждены пользоваться остатками. Это неравномерное распределение воды служило неиссякаемым источником постоянных недоразумений, ссор, часто вооруженных столкновений. Эта вражда перешла и во вновь организованное правительство — Совет Назиров.

В Совете Назиров, куда вошли и туркмены, в том числе и Гулам-Али и Кошмамед, начались интриги против последних. Их обвинили в государственной измене, в готовящемся якобы ими перевороте и т. д. К сожалению, бывшие в то время в Хиве полномочные представители Федерации*, тт. Шокиров и Малышев, поддались этой интриге, и в результате было решено ликвидировать Гулам-Али и Кошмамеда со всем отрядом, оказавшим нам такую большую услугу в деле ликвидации Джунеид-Хана. Для того, чтобы ликвидировать их со всеми их силами, им было объявлено в секретном порядке о скором походе, будто бы готовящемся на Бухару, и предложено было прибыть в Хиву со всеми джигитами.

Мне пришлось подробно ознакомиться с историей этого дела по тем следственным материалам, которые были переданы Чрезвычайному трибуналу, членом которого состоял и я.

Ничего не подозревая, Кошмамед и Гулам-Али явились в Хиву со своими джигитами и остановились в указанных им помещениях. В ту же ночь Кошмамед подвергся неожиданному нападению наших красноармейцев, которые арестовали его самого и обезоружили его джигитов. Через несколько часов после своего ареста Кошмамед с ближайшими сотрудниками были зарублены. Гулам-Али сбежал.

После того, как стало известно, что Гулам-Али сбежал, за ним в погоню был организован карательный отряд, который на своем пути стер с лица земли несколько кишлаков.

Когда иомудское население узнало об этом, то оно побросало все и кто на лошадях, верблюдах, быках, пешим порядком с женами и детьми двинулись в сторону Туркменской области и прошли по безводным путям тысячи верст вплоть до Каспийского моря и остановились в Персии.

Эти события ярко показывают, насколько мы безграмотны и не способны учесть ни общественные силы, ни соотношения их между собой.

В результате всего этого мы имеем: 1) общее разорение иомудов, 2) басмачество в лице Джунеид-Хана до сего времени и 3) общее возмущение среди всего туркменского населения.

* Кучук-Хан, Мирза — один из руководителей партизанского антиимпериалистического движения в Гиляне (Иран).

* Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Теперь, товарищи, если мы обратимся к Бухаре, то и тут налицо имеется абсолютное непонимание обстановки, среди которой нам приходится работать. Мы силами нашей Красной Армии два года тому назад заняли почти всю Бухару, и после двухлетнего нашего управления там создается неблагоприятная обстановка, при которой все население Бухары восстает против Советской власти.

Несколько дней тому назад я был в Бухаре и насколько за это короткое время мог уяснить: и тут мы восстановили против себя население своей неумелой политикой. Для примера могу указать на один весьма характерный факт. Разъясняя сущность революции в Бухаре, ораторы говорили, что, мол, наша революция отличается от других тем, что она направлена не только против эмира, но и против Бога. И это говорилось в Бухаре, которая считается «священной», в Бухаре, в которой, как нигде более, религия прочно основалась, где весь уклад жизни покоится целиком на религиозных основах и где население является наиболее религиозным и фанатичным! Естественно, что все население мы восстановили против себя.

Сейчас, в связи с уступками, которые объявлены в Бухаре, как, например, восстановление кази-келанства*, возвращение вакуфов** и целый ряд других уступок, достигнут определенный перелом в настроении населения, и оно теперь принимает непосредственное участие в деле ликвидации басмачества, и, несомненно, борьба с басмачеством в Бухаре точно так же идет к концу.

Теперь, после краткой характеристики нашей работы в соседних республиках, я считаю нужным остановиться на нашей работе в Фергане.

Советскую власть в Фергану привезли железнодорожные рабочие, которые долгое время не находили пути к уязвке с местным населением. Одновременно с возникновением Советской власти в Фергане группа мусульманской интеллигенции, совместно с улемами***, созвала съезд мусульманских воинов и дехкан. На этом съезде было избрано правительство Автономного Туркестана. Оно объявило амнистию всем грабителям и вора, призывая их вступать в ряды национальной армии, которая организовалась в Фергане. Между прочим, туда был приглашен Иргаш, бывший вор и грабитель, сосланный на каторгу царским правительством и вернувшийся после революции. Он был назначен «Курбаши». В переводе — начальник охраны города Коканда.

Для ликвидации этой банды Советской властью был отправлен в Коканд отряд во главе с т. Перфильевым, который и приступил к осаде города. Автономное правительство выпустило воззвание, приглашая всех мусульман вступить в ряды национальной армии для защиты религии Ислама, национальной свободы и Автономного правительства. И действительно, близкие кишлаки отозвались и прибыли в Коканд с кетменями, топорами, охотничьими ружьями и т. д. Бой продолжался три дня. За это время Автономное правительство исчезло, ушел и Иргаш. К моменту взятия Коканда в городе остались те кишлачники, которые пришли к ним на помощь. Они-то больше всего и пострадали.

Наш отряд состоял исключительно из дашнаков****, которые быстро учли создавшуюся обстановку и решили нажить деньги. Расправа шла большей частью по торговой линии. Все местные торговцы были расстреляны, имущество их было свезено на склады и в вагоны, а что осталось, было сожжено. Население подверглось насилиям, грабежу, а город — разрушению.

Население Ферганы, видя такую жестокую расправу, поверило автономистам, что большевики действительно грабители и бандиты, что они ничего не признают и идут против религии, против Бога.

После ликвидации Автономии началось советское строительство. Советы назывались Рабоче-Крестьянскими и Красноармейскими, а среди местного населения рабочих не было, и некоторое время советские аппараты оставались изолированными от местного населения. Положение «спасли» возвратившиеся к тому времени туземцы-рабочие, мобилизованные царским правительством на тыловые работы.

Вы знаете, конечно, что мобилизация местного населения на тыловые работы в 1916 году вызвала целый ряд восстаний

* Судьи, разбирающие дела по шариаду.

** Неблагосамо и неотчуждаемое имущество религиозных учреждений в мусульманских странах.

*** Мусульманские богословы и правоведа.

**** Члены армянской буржуазной Националистической партии «Дошнакцутюн».

в Самаркандской и Семиреченской областях. В Фергане от восстания воздержались, и население откупилось от мобилизации очень осторожно: оно обложило самого себя особыми налогами и на собранные деньги наняло всякий сброд — картежников, карманников, весь бездельный люд, которым кишела Фергана. После годового пребывания на фронтах они возвратились домой и как «истинные рабочие» были привлечены в местные Советы. Вот при какой обстановке создавалась Советская власть в Фергане.

В каком же порядке протекала там наша политическая работа? Наш лозунг «Долой старый мир, долой буржуазию!» проводился в жизнь приблизительно в следующем виде. За старый мир мы принимали все мечети, медресе*, которые были нами закрыты; казии, улемы были арестованы; борьба с религиозными предрассудками выражалась в том, что священный для мусульман Коран в Маргилане был сожжен представителями Советской власти; соборная мечеть «Джами» в Андижане была превращена в казармы мусульманских отрядов, которые там предавались «ботчаниятству»**.

Наши отряды нападали на мечети и бросали бомбы в молящихся ишанов, улемов. В результате весь класс улемов и ишанов ушел к басмачам.

Местное байство мы расценивали как европейскую буржуазию, арестовывали и сажали в тюрьму, выпуская по выплате определенной контрибуции. Здесь я отмечу, что покушение на товарища Ленина также отразилось в Фергане репрессиями по отношению к байству, которых арестовывали, говоря: «Вы, сволочи, покушались на Ленина!» Так протекала там классовая борьба.

Что касается нашей хозяйственной работы, то, как вам известно, Фергана, являющаяся страной исключительно земледельческой и кустарного производства, была объявлена «Коммуной». По этому поводу существовал определенный декрет и все земельные наделы были национализированы, кустарное производство было также национализировано, вплоть до мелкого, и в результате громадный кадр рабочих был выброшен за борт и остался без куска хлеба.

Если прибавить к этому, что большое количество хлопкоочистительных заводов было закрыто в первый революционный период, то станет понятно, что в Фергане создавалось действительно тяжелое положение, во всех отношениях — и в хозяйственном, и в политическом, и в организационном. Естественно, что весь этот кадр немедленно ушел к басмачам.

Надо еще сказать, что мы одновременно с этими мероприятиями провели мобилизацию лошадей и трудовую повинность и мобилизацию людей в Красную Армию. Мы проводили параллельно с этим и хлебную монополию, и производственную разверстку, и земледельческое крестьянство и труженники-кустари, поголовно все население восстало против советского режима, советского порядка и ушло к басмачам, дав этому движению, вначале чисто бандитского характера, политическое содержание. И, надо сказать, что в 1919—1920-х годах в Фергане существовал уже не бандитизм, не басмачество, а определенное народное восстание.

В течение 4 лет мы даже не могли правильно уяснить характер этого движения, называя его басмачеством, в то время когда это было восстание. Басмачество в переводе означает бандитизм, и такое неправильное определение привело нас к неправильному подходу в разрешении вопроса. И мы в течение 4 лет не сумели ликвидировать это движение ни с какой его стороны.

Когда Советское правительство очутилось перед лицом восстания, которое все усиливалось, оно укрепилось в крупных городах и повело с ним борьбу.

В первое время наши красноармейские части не были объединены под единым командованием и каждый город выступал самостоятельно против басмачей. Красноармейские отряды главным образом состояли из дашнаков, ничем не связанных с местным населением и по своему происхождению враждебных ему по той причине, что армяне как торговцы по роду своих занятий конкурируют с местным населением в своей обыденной жизни. Вот этими отрядами мы повели борьбу с басмачеством, которое в то время было настолько сильно, что могло принять бой с любым нашим отрядом и выдержать натиск. В большинстве случаев басмачи, поддерживаемые местными жителями, выходили победителями.

Надо было несколько лет для того, чтобы наконец ме-

* Высшая мусульманская духовная школа.

** Мужеложство с мальчиками.

стные работники выросли и стали протестовать против этих наших отрядов, которые занимались исключительно грабежом и насилием над местным мирным населением.

...Надо вам сказать, что мы думали одно время ликвидировать басмачество огнем и мечом. В этих целях более или менее крупные кишлаки, «пораженные басмачеством», уничтожались беспощадно, вследствие чего население уходило от Советской власти все дальше и дальше. Не помогла нам и общая оккупация всей Ферганы. В одно время в Фергану было переброшено до 30 тысяч войск, и все крупные кишлаки были заняты гарнизонами из красноармейцев. Население оставалось враждебным к нам, басмачи легко справлялись с нашими гарнизонами, и мы наконец вынуждены были убирать войска из кишлаков.

Проводилась так называемая система прочесывания Ферганы, пускались отдельные бригады по всей Фергане. Басмачи текли между ними как сквозь пальцы. В процессе борьбы басмачи приобрели большой опыт, учли наши недостатки, поставили великолепную разведку: движение наших отрядов сообщалось им своевременно, и они всегда умели вовремя уходить. Когда же мы накрывали их, то, не принимая боя, на лучших лошадях они разлетались в разные стороны. Или, узнав о движении наших отрядов, о направлении их, немедленно демобилизовывались, прятали оружие и встречали наши отряды в виде мирного населения, обслуживали, доставляли фураж, продовольствие и по уходе ударяли в спину. Нередко они преследовали наши отряды в продолжение 20—30 верст, обстреливая с боков, в то же время оставаясь в условиях сплошного садоводства незамеченными.

Такое положение очень тяжело отражалось на настроении наших красноармейцев, и в злобе отчаяния они нередко истребляли совершенно мирное население.

В результате всего этого сложилось у командования и у красноармейцев определенное мнение, что все население является басмачами.

Под этим углом зрения проводилась и карательная политика. Довольно долгое время практиковалась система заложников. Последних было взято столько, что по всей Фергане не находилось места для их изоляции. Не остановил басмачество и расстрел заложников целыми группами. Вскоре в Фергане не осталось ни одного местного работника, которого не подозревали бы в связях с басмачеством.

Наконец наша карательная политика завершилась новой системой борьбы с басмачеством, заключающейся в учете и регистрации всех басмачей. Следуя выработанной по этой линии инструкции, местные органы Чека приступили к регистрации басмачей путем опроса местного населения.

Зная, что басмачи немедленно вырежут за предательство, местные ревкомы сообщали самые абсурдные фамилии. Ловля по этим спискам басмачей привела к самым невероятным осложнениям. Брали тех, кто никогда не мог быть басмачом.

Тем временем штабом Туркфронта предпринят ряд крупнейших мероприятий к оздоровлению армии. С большими экзекуциями удалось убрать дашнакские отряды из Ферганы. В самой армии была создана твердая дисциплина, был изъят ненадежный элемент. Командование было объединено под одним руководством. Одновременно со стороны партии был предпринят ряд политических кампаний, призывающих население к мирному труду.

И тут же изнуренное бесперывными военными действиями население Ферганы стало искать выхода из создавшегося положения и повело общее давление на басмаческих главарей, так называемых «курбашей», в сторону перехода к Советской власти.

Наконец в августе 1921 года, к X съезду Советов Туркестана, басмачество в Фергане официально обратилось к Советской власти с предложением мирных переговоров, выставив ряд условий, касающихся религиозных, хозяйственных и политических вопросов. Эти условия сводились к раскрепощению шариата, открытию мечетей, медресе и мактебов, восстановлению суда казиев, биев, возвращению вакуфов, религиозных управлений, раскрепощению рынков, земледельческого хозяйства и кустарного производства и принятию басмаческих отрядов в Красную Армию.

В переговорах принял участие все мирное население, и не было никакого сомнения, что эти требования являются одновременно требованиями самого населения.

Все условия нами были отвергнуты. Между тем момент был благоприятный для нас. Тут мы могли окончательно договориться с населением и достичь крупнейших успехов в умиротворении области. Умелое и разумное проведение

мирных переговоров, безусловно, внесло бы крупное разложение в ряды басмачества. Этот короткий период ознаменовался двумя фактами. Прежде всего сдался один из влиятельных курбашей — Байтуман, который был арестован и посажен в тюрьму со своими 40 джигитами, вопреки существующему приказу об амнистии сданных. Вторая же группа курбашей, принятых на сторону Советской власти командующим ферганской группой т. Зиновьевым, была предательски схвачена и расстреляна.

Эти два факта опять оттолкнули от нас все население, а басмачество вспыхнуло с новой силой. Однако эти переговоры не остались бесплодными для нас. ТуркЦИК в последующие месяцы изданием ряда декретов урегулировал требования населения, создал новую линию в нашей работе под названием «политические уступки»: это суд казиев, возвращение вакуфов, открытие медресе, мактебов и т.д.

Эти политические уступки совпали с проведением новой экономической политики, давшей возможность населению перейти к нормальным условиям хозяйствования. Все это, вместе взятое, создало определенный перелом в настроении масс в сторону Советской власти. Постепенно от басмачества отошло духовенство во главе с Ходжи-Мат-Ишаном, который до этого времени фактически являлся идейным руководителем басмачества. Переход Ходжи-Мат-Ишана, «святого» в глазах населения, имевшего своих апостолов-учеников, конференция улемов и ишанов, затем ряд воззваний и обращений, выпущенных от имени ферганского духовенства, произвели отрезвляющее впечатление на все мирное население. Одновременно ТуркЦИКом был издан декрет об амнистии сданным курбашам и их джигитам с полной гарантией их личной безопасности и имущественной неприкосновенности.

Население категорически стало требовать у главарей басмачества сдаться Советской власти. На этой почве возник резкий раскол между населением и басмачеством, который привел в некоторых районах к расстрелу басмачей и уничтожению басмаческих шаек самим населением. Дальнейший процесс лишил басмачество их базы, население отказывалось от поддержки басмачества; последние вынуждены были приступить к систематическому грабежу, и представители населения стали обращаться к Советской власти с настойчивым требованием оградить их от басмачей. К нам стали поступать массовые ходатайства о предоставлении тому или иному кишлаку отрядов красноармейцев в качестве гарнизона, причем содержание гарнизонов кишлаками принималось на себя. Удовлетворить их просьбы командование не было в состоянии, ибо войсковых частей в Фергане было незначительное количество, а в тех кишлаках, где и ставились гарнизоны, последние своими бесчинствами довели население до того, что последнее вынуждено было постоянно жаловаться на них. Однако оставлять гарнизоны в том или ином кишлаке долго не представлялось возможным. В большинстве случаев гарнизоны в порядке боевых заданий перебрасывались в другие районы, оставляя кишлаки на произвол судьбы. По уходе гарнизонов кишлаки подвергались немедленному нападению басмачей, и все влиятельные представители басмачами вырезались. Впоследствии с уходом гарнизонов из кишлака уходило с ним и все население, бросая все свое имущество и посева, что обрекало на тяжелое, безвыходное положение, на голод. Разочаровавшись в нашей помощи население стало осаждать власть просьбами предоставить им оружие для самозащиты. К сожалению, военное командование отказывало в предоставлении оружия, боясь, что оно может попасть в руки басмачей. Все эти неудачи, грабежи, террор басмачей, общее разорение и безнадежность своего положения население стало рассматривать как кару свыше. Религиозное настроение вдруг охватило всю Фергану. Началось общее движение к паломничеству.

Отдельные лица, группы мусульман, нередко целые кишлаки стали ликвидировать свое хозяйство, продавая все до последней нитки со своими семьями, бездетные предвременно разводились со своими женами, садились в поезд и направлялись к Мекку. Движение в Мекку настолько было серьезно, что оно стало серьезно угрожать Фергане. При такой обстановке была учреждена Особая комиссия по борьбе с басмачеством под моим председательством, которая прибыла в Фергану 15 февраля 1922 года.

Фергану мы застали в следующем виде. Вся область находилась в руках басмачей. Советская власть существовала только в городах и по линии железных дорог. Город Коканд, областной центр, где находились штаб Фергруппы и довольно солидное количество войсковых частей, был нашим только наполовину.

С наступлением темноты старый город переходил в руки басмачей, и крики о помощи (вой-дод) не вызывали со стороны нового города, от которого старый отделился одной только маленькой речушкой, никаких мер к оказанию поддержки, несмотря на то, что в нем сосредоточены были большие силы.

Командующий, характеризуя басмачей как очень трусливых бандитов, говорил, что он совершенно спокойно спит дома, когда они нападают на старый город, зная, что басмачи никогда не посмеют перейти речку. Начальник Особого отдела, в распоряжении коего находился отряд ЧК, откровенно сознавался, что идти на помощь крикам «вой-дод» очень опасно, так как басмачи всегда устраивают засаду. В двух верстах от города, в местности «Овган-Бог» постоянно дежурили передовые посты басмачей, и никто и не думал об их ликвидации.

...Город Андижан находился в еще более тяжелом положении. Члены уездного ревкома занимались буквально под обстрелом басмачей, к 5 часам вечера все перебирались в новый город, выдерживая перестрелку с басмачами при проезде по главной улице. Город Джалал-Абад ждал со дня на день своего падения. Город Ош был совершенно отрезан от остального мира.

Первый обезд области был произведен нами с большим риском. Станция Горчаково подверглась нападению басмачей через два часа после нашего проезда. Удар был направлен против нас, но опоздал.

Ознакомившись с положением в области, мы пришли к твердому убеждению, что басмачество в Фергане не поддастся ликвидации в военном порядке, пока не будет вовлечено самое население в дело борьбы. Наши военные отряды, состоящие исключительно из европейцев, просто не находили басмачей. Военные удары, подготовляемые самым тщательным образом, всегда оканчивались впустую или с незначительным успехом. Весь фокус заключался в тактике басмачей: нападение из-за угла, ни одного открытого боя, знание местности, моментальная демобилизация и разлет на лучших лошадях. Так, например, наш отряд среди белого дня на пути своего продвижения вдруг попадает под ожесточенный обстрел басмачей. Когда красноармейцы бросаются на выстрелы, то встречаются со спокойно идущей узбечкой в чадре или работающим дехканином, пекарем или почтенным стариком, сидящим у мечети, и т.п. При обращении к ним с вопросом, где басмачи, только что тут стрелявшие, они жестом указывают в сторону, но как только красноармейцы отходят на небольшое расстояние, то слышит свист пули, направленной по нему сзади. Басмачи, таким образом, принимают разнообразные формы, и всякий красноармеец легко может стать жертвой их хитрости. Эта тактика басмачей нередко приводит к весьма печальным результатам, подводя под удар наших отрядов мирное население, что для басмачей очень выгодно, так как обиженное население всегда служит подкреплением для них.

При таком положении не было никакого сомнения, что единственным выходом из данного тупика является вовлечение самого населения в борьбу с басмачеством, ибо только оно способно учесть все особенности их, противопоставить им соответствующие силы. Вовлечение местного коренного населения к борьбе вызывалось не только стратегическими соображениями, но и политическими мотивами, ибо басмачество, возникшее на почве борьбы с русскими, защиты религии, нации, с вовлечением коренных масс, утрачивало свои основные мотивы, что является очень серьезным моментом в деле умиротворения области.

Ознакомившись с отдельными районами, с населением, его настроением, мы убедились, что в Фергане достаточно назрела почва для организации самообороны. Ставив на путь организации самообороны, нами принята была во внимание главным образом стратегическая обстановка: Фергана имеет двоякого рода басмачество. Узбекское — долинное и киргизское — горное. К ликвидации можно было приступить только с закреплением за собой горных перевалов, куда обычно всегда уходили шайки.

...В процессе организации работы в Фергане мы вовлекли в дело борьбы улемов, ишанов, казиев, влиятельных лиц как в качестве начальников отрядов, так и рядовых милиционеров. Тем самым возбудили самодеятельность всего населения, лишили басмачество базы. В совместной работе самообороны с красноармейскими частями мы связали их, а затем их и с самим населением. Мы добились лучшего отношения к Красной Армии и продовольственной помощи ей от населения. В результате пятимесячной работы мы имеем: 1) лик-

видацию 38 крупных и средних курбашей с количеством джигитов в 1851 человек. Изъято 1256 винтовок; 2) весь Ошский уезд окончательно освобожден от басмачества. Андижанский уезд также очищен, в составе 23 волостей из 29. Город Коканд окончательно закреплен за нами, а Кокандский уезд очищен на 1/3. Маргиланский уезд — наполовину. Общий итог сводится к тому, что басмачество в Фергане ликвидировано на 50%. Нет сомнения, что при дальнейшем положении начатой работы по вовлечению населения нам удастся ликвидировать полностью басмачество к концу текущего года».

Далее председатель Совета народных комиссаров Туркестана, член Президиума ТуркЦИКа, член секретариата ЦК КП Туркестана К. С. Атабаев рассказал о положении с басмачеством в Самаркандской и Туркменской областях. На заседании присутствовали практически все руководители тогдашней Туркестанской Советской республики и выступили: Абдусатаров, Ходжаев, Хедьыр-Алиев, Шамансуров, Чары-Перлиев, Скалов, Паскуцкий, Гельгфгот и Берзин. Никто из них не оспаривал ни позиции, ни фактов, изложенных в докладе К. С. Атабаева. Пленум выразил т. Атабаеву благодарность за его работу в Фергане с занесением его имени на Красную доску и признал политическую линию Комиссии по борьбе с басмачеством в Ферганской и Самаркандской областях правильной.

Где мы читали хотя бы нечто приблизительное? На каких страницах тоннами вышедших в свет у нас книг — энциклопедий, трудов, учебников и романов — могли познать правду истории Советского Туркестана? И венцом неправды о «басмачах» явилась книга А. И. Зевелева, Н. А. Полякова и Л. В. Шишкиной «Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов». В таком виде, как этот «фундаментальный труд», написанный в печальные для нашей истории годы, выходить в свет сегодня не имел права. Появление этого «труда» не что иное, как ярчайшее доказательство наличия в партии противников перестройки. Перестройка, в этом можно не сомневаться, непременно создаст другое сочинение — «Басмачество: вымысел фальсификаторов и правда истории».

Между тем басмачество в Средней Азии продолжалось после 1922 года еще долгие двенадцать лет. И глубокие причины живучести басмачества еще не раскрыты, напротив, они заведомо искажены, в чем нас убеждают приведенные выше документы.

Невозможно, владея утверждениями наших историков, удовлетворительно ответить на вопрос: какая же сила могла поднять десятки, а то и сотни тысяч дехкан, заставить их бросить любимое дело, дом, семью, вооружиться и бороться против новой власти, которая несла им свободу, мир, равенство, землю и воду? Англо-американские империалисты? Такое объяснение могло устраивать Вышинского, Кагановича, Сталина, устраивать в былые годы читателей Краткого курса ВКП(б).

Сегодня вряд ли найдется протак, который может все-рьез поверить, что один английский консул, пусть десяток, даже сотня английских разведчиков (о чем наша историография имеет ничтожно малое количество фактов, а больше рассуждений, что так оно должно было быть) ухитрились почти на протяжении двух десятков лет вдохновлять движение басмачей.

Действительная причина заключалась в том, что воплощение прекрасных идей рабоче-дехканской власти в Туркестане осуществлялось людьми, не дававшими себе труда понять этот регион, его древней, веками создававшейся культуры, с незаурядной архитектурой, своеобразного аромата поэзий, мощными традициями. Люди эти мерили регион аршином классово-войноты — «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...», а порой являлись, пользуясь выражением В. И. Ленина, «русскими держимордами». Им ли было до умной, тонкой, доброй национальной политики вождя Октябрьской революции?

Нет сомнения! Сегодня пришла пора поведавать правду об истории становления Советской власти в республиках Средней Азии, как бы сложна и горька она ни была. И сделать это не для того, чтобы столкнуть разные народы, а чтобы сказать правду и этим их объединить. Вспомним наказ В. И. Ленина верному соратнику А. А. Иоффе. Думается мне, что мера соблюдения этого ленинского завета есть наилучший повод для честного раскрытия правды истории о борьбе с басмачеством и залог решения существующих межнациональных проблем.